

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войною 1877—78 гг. ¹⁾

Глава XLIV.

Константинополь блестѣлъ, горѣлъ, сіялъ въ розовыхъ лучахъ восходившаго солнца...

Лѣнивая, интернаціональная Пера еще дремала подъ голубыми дымками испареній; но дѣловая Галата уже проснулась и трепетала всѣми фибрами наступавшаго рабочаго дня: вдоль набережной Золотого Рога тянулись длинныя вереницы осликовъ; но издали казалось, что двигались живыя горы всякой ноши и грузовъ. Бѣдные, злополучные герои нашихъ басенъ, чего только не навьючатъ лѣнивый обыватель Востока на ихъ терпѣливыя спины! Бочки съ водой, грузы кирпичей, мебель; желѣзо, привязанныя къ бокамъ корзины съ хлѣбомъ, бревна, доски, цѣлые стога сѣна, и нагруженные такимъ образомъ маленькіе ослики разносятъ по городу тяжести, которыя обыкновенно вѣсятъ больше, чѣмъ они сами...

Мы взяли канкъ и сѣхали на берегъ. Здѣсь уже все населеніе квартала было на ногахъ: типичныя фигуры мусульманскаго духовенства въ громадныхъ бѣлыхъ и зеленыхъ тюрбанахъ; группы носильщиковъ, водоносы, разношники всякой провизіи; турчанки въ бѣлыхъ башмакахъ и въ яркихъ фередже, солдаты, армяне, греки въ широчайшихъ фустанеллахъ, раздутыхъ, какъ пузыри для плаванія, дервиши въ шелковыхъ, пестрыхъ халатахъ, евреи въ цилиндрахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, персіяне въ своихъ коническихъ шапкахъ; турки и левантинцы въ красныхъ фескахъ, арабы, кошты, черкесы въ бараньихъ шапкахъ и типы всѣхъ племенъ Востока мелькали передъ глазами словно живой калейдоскопъ, наполняя узкія, кривыя улицы звуками самыхъ разнообразныхъ нарѣчій...

Контора нашего „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“, куда мы направляемся, уже была открыта; но здѣсь царить большая суматоха: по опустѣвшимъ комна-

¹⁾ См. „Русск. Старину“ 1916 г.

тамъ бродятъ носильщики, собирая агентскій хламъ, чтобы перевезти его съ пристани на пароходъ „Ростовъ“, гдѣ и для насъ также приготовлены каюты. Цѣлая армія турецкихъ хамаловъ, наперекоръ задорной политикѣ Оттоманской Порты, явилась къ услугамъ нашего Агентства для переноски тяжелаго груза къ берегу. Но сколько я ни наблюдаю, а уловить не могу даже и тѣни какого-либо недобраго чувства со стороны этихъ людей по нашему адресу: наоборотъ, они весело переговариваются между собой и охотно берутся за дѣло, которое обѣщаетъ имъ слишкомъ хорошій заработокъ. Отсюда не трудно было видѣть, что политика благожелательнаго нейтралитета въ данномъ случаѣ болѣе отвѣчала ихъ настроенію и, такимъ образомъ, одержала верхъ надъ всѣми дипломатическими тенденціями... Было еще рано для того, чтобы ѣхать въ посольство, а потому ничего другого не оставалось, какъ вернуться опять на пароходъ. Однако мы не долго засидѣлись тамъ: насъ манила къ себѣ громада Ая-Софіи, о заренная лучами яркаго солнца. И дѣйствительно, какъ было не отправиться туда, къ Св. Софіи, чтобы взглянуть еще въ послѣдній разъ на чудо древней Византіи, куда летятъ неудержимо на протяженіи многихъ вѣковъ мечты и грезы православнаго міра...

Мы взяли какъ и подѣхали къ деревянному мосту, переброшенному черезъ Золотой Рогъ. Здѣсь уже царитъ, несмотря на ранній часъ утра, прямо столпотвореніе вавилонское: пестрая до безконечности толпа, словно окрашенная во всѣ цвѣта радуги, катитъ свои живыя волны изъ Галаты въ Стамбуль и обратно; говоръ на всѣхъ языкахъ міра, оживленіе, суматоха, ревъ ословъ, крики верблюдовъ, нагруженныхъ сверхъ мѣры—все это даетъ вѣрную картину знаменитаго библейскаго событія. Перейдя мостъ среди невѣроятной толчеи, мы вступаемъ, наконецъ, въ область древней столицы падишаховъ, гдѣ все дышитъ далекимъ прошлымъ и словно ничего не измѣнилось подъ вліяніемъ западной культуры. А на стражѣ этихъ минувшихъ вѣковъ, какъ бы озираясь на весь Царьградъ, гордо и величаво стоитъ на высококомъ холмѣ наша колыбель христіанства; но уже пятое столѣтіе украшенная золотымъ полумѣсяцемъ Ислама...

Въ мечеть Ая-Софіи мы вошли не черезъ главный входъ, а съ южной стороны въ какую-то дверь, завѣшан-

ную краснымъ сукномъ. Въ обширномъ притворѣ сѣдой мулла далъ намъ широкія туфли безъ задковъ, чтобы мы надѣли ихъ поверхъ нашей обуви; но едва лишь я сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ онѣ свалились у меня съ ногъ. Впрочемъ, инцидентъ былъ тотчасъ же улаженъ съ помощью двухъ веревочекъ, и въ такомъ видѣ мнѣ пришлось двигаться по всему храму, осматривая его съ тѣмъ глубокимъ интересомъ, который неизбѣжно сопровождаетъ каждаго переступившаго порогъ этого чуда Византійской архитектуры; надъ вашей головой виситъ каменная пропасть, захватившая въ свои объятія огромное пространство, увѣнчанное широкимъ, пологимъ куполомъ, а снизу вамъ кажется, что онъ упирается въ самое небо и, двигаясь подъ этими необъятными арками, все невольно сознаете себя какой-то жалкой мухой, залетѣвшей въ царство гигантовъ...

А оттуда сверху прямо съ голубыхъ небесъ черезъ вереницу оконъ, которыми опоясанъ точно лентой, дивный куполь Ая-Софіи, неудержимо льются широкіе потоки яркаго свѣта, затопляя область мраморнаго исполина своими волнами и не оставляя въ тѣни даже угловъ этого обширнаго зданія. Цѣлый лѣсъ колоннъ, расположенныхъ въ два яруса, дополняетъ грандіозную картину величайшаго въ мірѣ памятника, олицетворяющаго собою въ такой совершенной формѣ идею Божества.

— Взгляните на эти зеленныя колонны,—говорилъ, обращаясь къ группѣ туристовъ, бродившихъ такъ же, какъ и мы, по всѣмъ направленіямъ, какой-то гидъ, видимо хорошо знавшій свое дѣло: онѣ служили однимъ изъ лучшихъ украшеній храма Діаны, а вотъ эти красныя принадлежали императору Аврелію и были подарены Юстиніану городомъ Римомъ; обратите также ваше благосклонное вниманіе на голубой мраморъ: онъ украшалъ храмъ Діониса и на этотъ бѣлый съ розовыми жилками, а также ярко-желтый, оба они находились въ кумирнѣ оракула Дельфійскаго. Словомъ,—закончилъ краснорѣчивый гидъ,—вся эта великолѣпная колоннада являетъ собою почти всѣ формы древняго языческаго культа...

Въ разныхъ концахъ мечети нѣсколько группъ право-вѣрныхъ сидѣли на цыновкахъ и набожно склонялись лицомъ къ землѣ. Иногда они бросали въ нашу сторону не совсѣмъ дружелюбные взгляды; но мы знали, что ста-

рый мулла въ ожиданіи хорошаго бакшиша не позволить намъ никакой выходки, которая могла бы оскорбить насъ. И дѣйствительно, онъ былъ настолько любезенъ, что предложилъ намъ купить у него цѣлую горсть чудной мозаики, украшавшей прежде стѣны и арки собора, а теперь скрытой подъ густымъ слоемъ краски. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало тѣмъ, кому довѣрена была охрана мечети, выбирать ее оттуда и продавать туристамъ.

— Лэди и лорды,—ораторствовалъ гидъ:—чтобы судить правильно о величинѣ Ая-Софіи, рекомендую вамъ подняться на хоры, и тогда вы можете созерцать ее въ болѣе опредѣленныхъ перспективахъ, которыя будутъ говорить сами за себя...

И дѣйствительно, когда мы взошли наверхъ, то увидѣли всю панораму зданія въ его настоящихъ размѣрахъ: арки и своды вдругъ стали прямо необъятными, а окна, вѣнцомъ окружающія главный куполъ, превратились какъ бы въ стеклянныя ворота. Эффектъ картины заключался еще въ томъ, что всѣ предметы, которые мы видѣли раньше внизу такими огромными, теперь казались намъ миниатюрными вещицами, какъ, напримѣръ, двѣ мраморныя урны колоссальныхъ размѣровъ, стоящія по бокамъ султанской ложи, уменьшились до величины обыкновеннаго графина, и я никакъ не могла представить себѣ, что это былъ лишь обманъ зрѣнія... Таковъ храмъ Юстиніана: тринадцать вѣковъ стоитъ онъ на развалинахъ древней Византіи, созерцая вокругъ себя ходъ исторіи народовъ, и неудержимо манитъ въ свои объятія нашу святую Православную Церковь...

Но вотъ грянула пушка эйлека ¹⁾: въ мечеть стали подходить толпы мусульманъ для совершенія намаза, и очарованіе, навѣянное дивной красотой Ая-Софіи, смѣнилось вдругъ горькимъ чувствомъ...

По знаку стараго муллы, спѣшившаго къ началу богослуженія внизу, мы должны были удалиться изъ мечети; но раньше, чѣмъ покинуть хоры, я направила мой бинокль (это разрѣшается туристамъ) въ ту часть зданія, гдѣ прежде находился алтарь: тамъ, въ полукруглой нишѣ, увѣнчанной малымъ куполомъ изъ-подъ налета бѣлой краски выступаетъ и теперь силуетъ колоссальной фигуры—это будетъ,

¹⁾ Полдень.

если присмотрѣться хорошо, священный для Православія образъ Влахернской Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ.

Отсюда я видѣла на близкомъ разстояніи крылья серафимовъ, не забѣленныхъ известью, какъ другія изображенія съ человѣческими лицами; но кое-гдѣ мѣстами, а въ особенности на хорахъ, мозаика выступала довольно ясно изъ-подъ стершейся краски.

Въ Ая-Софіи, дѣйствительно, точно наперекоръ магометанскому „кесмету“ все дышетъ христіанскимъ прошлымъ, вся она какъ бы наполнена призраками и тѣнями древней Византіи...

Глава XLV.

Подъ монотонное чтеніе корана мы ушли изъ мечети и на улицѣ смѣшались съ толпой. Крики газетчиковъ, возвѣщавшихъ наступленіе историческаго момента, вывели меня изъ міра классическихъ чудесъ, которыми такъ властно была захвачена моя фантазія въ храмъ Юстиніана...

Я невольно стала прислушиваться къ разговорамъ окружавшей насъ публики, чтобы ознакомиться такимъ образомъ съ настроеніемъ массы въ тѣ минуты, когда жребій войны былъ уже брошенъ и оставалась лишь всего только одна церемонія разрыва дипломатическихъ сношеній между Россійской Державой и Оттоманской имперіей.

— Сегодня?!.. Развѣ?!.. А говорили, что все это была игра русской дипломатіи?—спрашивалъ юркій эллинь суроваго на видъ турецкаго офицера.

— Да, сегодня,—равнодушно отвѣтилъ послѣдній.

— Такъ имъ и надо!—злбно воскликнулъ первый.—зачѣмъ подняли на ноги всѣхъ славянъ!...

— Да, нехорошее дѣло затѣяли,—былъ отвѣтъ, и воинъ шагнулъ впередъ куда-то въ сторону.

Мы идемъ дальше и попадаемъ въ область Стамбульскаго базара. Здѣсь развернулась передъ нами словно живая картина грандіозной ярмарки, гдѣ царилъ хаосъ людей всѣхъ племенъ, всѣхъ климатовъ и нарѣчій. Это цѣлый городъ подъ одной общей крышей съ прорѣзанными въ ней окнами, черезъ которыя проходитъ свѣтъ, цѣлый лабиринтъ улицъ, обставленныхъ безконечными торговыми рядами, гдѣ магазины расположены не такъ, какъ вездѣ въ комнатахъ съ окнами и дверьми, а въ глубокихъ стѣнныхъ

нипахъ на высотѣ около метра отъ земли съ деревяннымъ помостомъ у входа въ помещеніе... Каждый родъ торговли имѣетъ здѣсь свой опредѣленный кварталъ: есть улицы ковровъ, шелковыхъ матерій, специально только фесокъ, трубокъ, наргиле и такъ до безконечности на громадной территоріи Стамбульскаго базара. Но самый любопытный въ немъ уголокъ это, конечно, галлерей дамскихъ туфель: здѣсь по преимуществу толпятся иностранцы, раскупая ихъ массами, а также все женское населеніе Царьграда. Отсюда мы зашли въ турецкій ресторанъ, гдѣ всегда можно было выпить прекраснаго, душистаго кофе. Хозяинъ этого заведенія, патриархальнаго вида турокъ въ огромной чалмѣ предложилъ намъ занять столикъ подъ навѣсомъ у входа. Здѣсь же рядомъ съ нами усѣлась также большая компанія левантинцевъ и грековъ изъ Фанара. Нѣкоторые изъ нихъ играли въ карты, а другіе что-то ѣли и пили, громко бесѣдуя на тему о злобѣ дня:

— Ну, конечно, если Московское правительство не угомонится съ этими своими балканскими чобанами, то въ концѣ концовъ заговорятъ пушки,—увѣренно, словно читая въ книгѣ судебъ, ораторствовалъ какой-то левантинецъ, по всѣмъ признакамъ биржевой маклеръ.

— Вѣроятно и самъ Горчаковъ ихъ премудрый теперь не знаетъ, какъ повернуть дѣло, чтобы не осрамиться на весь бѣлый свѣтъ!—вмѣшался одинъ изъ игроковъ, бросая карты и пересаживаясь ближе къ другой компаніи:—интересно, чѣмъ закончится эта глупая, безконечная исторія? Говорятъ, что изъ Русскаго посольства уже все перевезли на станціонеръ...

Взрывъ хохота былъ ему отвѣтомъ:

— Знаемъ мы всѣ ихъ фокусы! Не въ первый разъ!—выкрикивали его собесѣдники:—если не сегодня, то завтра же мы увидимъ, какъ русскіе дипломаты будутъ перетаскивать свои чемоданы обратно на Перскую улицу—знаемъ! знаемъ все это слишкомъ даже хорошо! И остроты одна другой злѣе посыпались, точно изъ рога изобилія, на голову нашего представительства въ Царьградѣ.

— Господа!—возвышая голосъ, авторитетно заговорилъ какой-то еще базарный оракуль:—бумаги Оттоманскаго банка сейчасъ идутъ въ гору: вчера онѣ стояли довольно высоко...

— Тѣмъ ужаснѣй будетъ ихъ паденіе,—возразили ему съ хитрой усмѣшкой нѣкоторые изъ его пріятелей...

— Ну, а я думаю иначе,—послѣдовалъ гордый отвѣтъ,—и вѣроятно не ошибаюсь, утверждая, что дипломатія все уладитъ, такъ какъ Европа не желаетъ войны; но для финала всей этой комедіи уже рѣшено предъявить русскому правительству ультиматумъ, и тогда генераль Игнатьевъ запоетъ другія цѣсни.

— Bravo! Bravo! Наконецъ-то подрѣжутъ когти бѣлому медвѣдю, чтобы онъ не залѣзалъ въ балканскіе лѣса, а сидѣлъ бы смиренно въ своей ледяной берлогѣ!—И шумное проявленіе какого-то дикаго чувства наполнило душную атмосферу турецкаго рестораника.

Я никакъ не могла понять, чему радовались эти люди, въ числѣ которыхъ были наши единовѣрцы греки, а также и другіе христіане, и почему они такъ пламенно желали видѣть униженіе Россіи, поднимавшей свой мечъ за освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига?..

Время шло, и приближалась роковая минута дипломатической церемоніи. Расплачиваясь съ хозяиномъ кафе, мой дядя протянулъ ему для размѣна оттоманскій кредитный билетъ въ 3 меджидье; но турокъ не взялъ его, а, приложивъ руку къ сердцу, выразилъ желаніе получить то, что ему слѣдовало, какими-нибудь другими денежными знаками...

— У меня сейчасъ мелочи нѣтъ,—отвѣтилъ дядя, заглядывая въ свой кошелекъ...

— Эфендимъ!—перебилъ турокъ,—я размѣняю вамъ какую угодно бумагу; но бѣда въ томъ, что каиме ¹⁾ у насъ вообще не въ ходу, и ее нигдѣ не принимаютъ.—Но почему же такъ? Почему?—улыбаясь, спрашивалъ мой дядя, забавляясь оборотомъ дѣла,—развѣ она не гарантирована всѣмъ достояніемъ Оттоманской имперіи? Развѣ султанъ не утвердилъ ея размѣнъ на золото и серебро?

— Да будетъ воля Аллаха надъ падишахомъ, возразилъ ему вѣрнопопдаанный Абдуль-Гамида.—но только съ этими бумажками одно лишь горе, такъ какъ ихъ никто не беретъ, а золота негдѣ взять: его уже давно иностранцы захватили въ свои руки и ограбили нашу казну—вотъ и живи послѣ того на бѣломъ свѣтѣ.—Мобилизація! Война!

¹⁾ Оттоманская кредитка.

Война Турціи съ Россіей!—внезапно, точно по командѣ, раздались со всѣхъ сторонъ рѣзкіе, пронзительные крики газетчиковъ: эхо подхватило звуки и унесло ихъ дальше. Но вотъ ближе и громче стали повторяться отдѣльные выкрики: „Нелидовъ выѣзжаетъ въ конакъ Сафеть-паши! Въ часъ дня Нелидовъ предъявитъ Сафеть-пашѣ послѣдній ультиматумъ!“—и мимо насъ промчалась вереница мальчишекъ, нагруженныхъ кипами телеграммъ утренняго изданія.

— Откуда имъ такъ хорошо извѣстно, въ которомъ часу Нелидовъ сядетъ въ экипажъ?—мелькнуло у меня въ головѣ; но вопросъ остался не рѣшеннымъ...

И вдругъ точно по командѣ, вся живая масса, наполнявшая галлерей базара, дрогнула, какъ будто-бы пронизанная электрическимъ токомъ, и бросилась къ выходу на главную улицу Стамбула. Здѣсь картина общей тревоги какъ нельзя вѣрнѣе отражала въ себѣ настроеніе обывателя столицы Абдуль-Гамида: слѣдуя по теченію за толпой, бѣжавшей къ мосту Золотого Рога, чтобы оттуда перебраться въ Перу, гдѣ все еще развѣвался нашъ русскій флагъ, я видѣла ясно, словно заглядывая въ душу каждаго изъ окружавшихъ меня людей, что не волна энтузіазма, какъ въ день разгрома сербовъ подъ Алексинацомъ, несла ихъ туда, а что-то совсѣмъ другое; но болѣе сложное и неуловимое, опредѣленіе котораго ускользало тогда отъ меня...

А тѣмъ временемъ Европейская пресса возвѣщала міру, что объявленная въ тотъ день мобилизація была принята населеніемъ Царьграда съ безумнымъ восторгомъ!...

Но какъ ни трудно было двигаться среди необъятной толпы по тѣснымъ, кривымъ улицамъ Стамбула, мы тѣмъ не менѣе шли впередъ. Наконецъ живая рѣка влилась въ болѣе широкое русло и потекла черезъ мостъ Золотого Рога къ набережной Галата; но весь этотъ кварталъ оказался прямо забитымъ сплошной массой народа, а пробраться къ туннелю подземной желѣзной дороги не было уже никакой физической возможности. Мы беспомощно топтались на одномъ мѣстѣ и не могли сдѣлать шагу впередъ, а затѣмъ ничего другого не оставалось, какъ вернуться въ Агентство и взять оттуда гида за очень хорошее вознагражденіе. Разными окольными путями и глухими переулками мы поднялись, слѣдуя за нимъ, на гребень

Перскаго холма. Тогда развернулось передъ нами зрѣлище, которое можно иллюстрировать съ помощью пера лишь только приблизительно въ такомъ видѣ:

Нашъ флагъ все также безпечно рѣветъ надъ зданіемъ Посольства; но у дравка стоятъ двое служащихъ, чтобы по сигналу убрать его съ крыши; государственный щитъ уже отдѣленъ отъ фронтона и держится пока на веревкахъ для спуска внизъ. Громаднѣйшая толпа людей, какъ будто собравшихся на праздникъ со всѣхъ концовъ земли, непроницаемой стѣной окружаетъ территорію дворца; воздухъ дрожитъ отъ хаоса звуковъ, и тысячи, многія тысячи глазъ прикованы взглядомъ къ одной лишь точкѣ: нашъ орелъ, какъ магнитъ, тянетъ ихъ къ себѣ, покачиваясь слегка отъ вѣтра на удерживающихъ его веревкахъ, точно расправляя свои могучія крылья для дальняго полета—картина необычайная и потрясающая!..

Мы, наконецъ, пробились къ главному входу и взошли наверхъ. Весь персоналъ нашего дипломатическаго корпуса уже находился тамъ. Всѣ почему-то веселы и довольны, точно собирались на раутъ: молодежь утѣшается перспективами командировокъ въ другія страны, а старшіе возвращеніемъ къ себѣ домой. Нѣкоторые изъ нихъ заблаговременно приписались къ штабамъ арміи и горятъ нетерпѣніемъ отправиться на театръ войны.

Всѣ мы выходимъ на балконъ и смотримъ внизъ: у нашихъ ногъ колышется и рокочетъ, словно въ часы прилива, океанъ людей. Но какъ ни плотна живая человѣческая масса, кольцомъ охватившая весь районъ нашего Посольства, но въ центрѣ ея съ одного конца до другого прорѣзана дорожка, по обѣимъ сторонамъ которой неподвижно, какъ въ строю, тянется шеренга красныхъ фесокъ.

— А вотъ и охрана! не правда ли?—спросила я моего сосѣда, чиновника Генеральнаго консульства, указывая на красную ленту.

— О, нѣтъ!—улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ,—это живой телеграфъ, такъ какъ онъ соединяетъ въ данную минуту русское посольство съ биржей—тамъ сейчасъ идетъ другая борьба за существованіе: ультиматумъ пока не врученъ и, кто знаетъ, въ послѣдній рѣшающій моментъ нашъ русскій орелъ еще можетъ удержаться на фронтонѣ—дипломатія вообще, какъ извѣстно, любитъ устраивать иногда политическіе сюрпризы...

Вдругъ человѣческое море колыхнулось, словно его живыя волны столкнулись между собой: на подъѣздъ вышелъ Нелидовъ серьезный, видимо озабоченный, и сѣдился въ экипажъ.

Несмѣтная толпа, затаивъ дыханіе, разомкнулась, пропустила его и вновь сомкнулась. Протяжный, какъ стонъ больного, ропотъ огласилъ воздухъ, а затѣмъ все перемѣшалось, перепуталось въ одинъ общій хаосъ. Разобрать, что творилось тамъ внизу, не было никакой возможности; но вотъ бѣглымъ шагомъ съ примкнутыми штыками явились турецкіе жандармы, и шквалъ урагана сразу пошелъ на убыль. Такъ продолжалось около трехъ часовъ; но публика не расходилась, точно прикованная магнитомъ къ мѣсту, гдѣ суждено было рокомъ закончиться послѣдному акту многовѣковой исторической драмы...

Наконецъ, отдаленный, протяжный, какъ шумъ прибоя, гулъ человѣческихъ голосовъ возвѣстилъ, что посолъ нашъ, исполнивъ долгъ тяжелой миссіи, уже находился въ районѣ Перскаго холма. Затѣмъ еще нѣкоторое время мучительнаго любопытства, и бурный потокъ необъятной толпы окружилъ его экипажъ...

Наступила торжественная минута: орелъ нашъ съ широко распростертыми крыльями тихо и плавно опускался книзу; флагъ, продолжая играть и рѣзвиться съ южнымъ вѣтеркомъ, скользилъ туда же вслѣдъ за нимъ, а древко медленно склонилось на руки стоявшихъ на крышѣ людей...

— Ухъ!—рявкнула живая масса, точно замахнулись надъ ея головой огненнымъ мечомъ; дрогнулъ воздухъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла, а многократное эхо, подхвативъ звуковыя волны, унесло ихъ на биржу. съ головокружительной быстротой полетѣли внизъ бумаги, разоряя на своемъ пути кліентовъ ажіотажа и азарта... Тотчасъ же послѣ дипломатической церемоніи вся наша русская колонія отправилась въ Галату, чтобы занять мѣста на пароходахъ и до наступленія сумерекъ переѣхать границу Босфора, гдѣ также были заложены торпеды. Я оглядываюсь въ послѣдній разъ на роскошную панораму, ярко освѣщенную вечерней зарей; но она все дальше и дальше уплываетъ отъ меня, какъ сонъ, какъ волшебный миражъ. Государственные лоцмана благополучно провели насъ черезъ минныя загражденія—еще одинъ поворотъ винта, и